

ЯЗЫК ПРАВА И ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ

Ю. В. ХИЖНЯК*

В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи и взаимовлияния языка права и языка художественной литературы. Как язык художественной литературы, так и язык права существуют в рамках единого литературного языка. В отличие от языка художественной литературы, главной функцией которого является эстетическая, язык права в первую очередь выполняет регулятивную функцию. Вопросы, рассмотренные в данном исследовании, являются предметом изучения научного направления «право и литература», которое занимается проблемами профессиональной культуры, правосознания, правового мышления юристов, интерпретации правовых текстов. Это направление делится на две ветви: «право в литературе» и «право как литература». «Право в литературе» рассматривает возможную значимость литературных текстов для юристов в смысле отображения в этих текстах явлений правовой и государственной жизни. «Право как литература» пытается применить методы, приемы литературной критики, анализа к правовым текстам. Изучение языка права было бы невозможным без инструментария, выработанного теорией литературы. Анализ языка художественной литературы, методов, которые применяются для его толкования, открывает для юриста новые возможности в постижении языка права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: язык права, язык художественной литературы, метафора, «право и литература», поэзия, «право в литературе», «право как литература», правовой текст.

KHYZHNIYAK YU. V. LANGUAGE OF LAW AND LANGUAGE OF LITERATURE: THE ASPECTS OF INTERACTION

The article deals with issues of interaction and interference between the language of law and the language of literature. Both of them exist in a common literary language. In contrast to the main aesthetic function of the language of literature, the legal language, first of all, has a regulative function. The issues studied in this article are the subject of a separate scientific approach "law and literature" which investigates the problems of professional culture, legal consciousness, legal thinking of lawyers, as well as interpretation of legal texts. This approach has two branches: the "law in literature" and the "law as literature". The "law in literature" examines the possible relevance of literary texts for lawyers in the meaning of their capability of reflecting the state and legal life. The "law as literature" seeks to apply the methods, techniques

* Хижняк Юлия Вячеславовна — младший научный сотрудник Научно-исследовательской части Национального университета «Одесская юридическая академия».

Khyzhniak Yulia Vyacheslavovna — junior research fellow, Research department, National University «Odessa Law Academy».

E-mail: khyzhniakyv@gmail.com

© Хижняк Ю. В., 2014

of literary criticism and analysis to legal texts. Study of the legal language would be impossible without a toolset worked out by the theory of literature. The analysis of the language of literature and the analysis of the methods used for its interpretation provides new opportunities for the lawyer in comprehension of the legal language. KEYWORDS: language of law, language of literature, metaphor, "law and literature", poetry, "law in literature", "law as literature", legal text.

Для юриста язык является главным инструментом в его профессиональной деятельности. Юрист не только выражает свои идеи, взгляды (устно или письменно) с помощью языка, но и воспринимает правовую реальность через языковую коммуникацию, формируя свое правосознание, правовую культуру, оттачивая навыки правового мышления.

Юристы сегодня, как и прежде, должны формироваться как читатели и всю свою жизнь оставаться ими. Работа с письменными текстами для юриста — это движение к пониманию правовой и государственной сферы, а также тех человеческих проявлений, которые в ней происходят.¹

Общетеоретическая юриспруденция призвана целенаправленно утверждать язык права, а потому используется в любой учебной программе при подготовке юристов-профессионалов.² Однако изучение языка права невозможно без привлечения потенциала иных неюридических сфер знаний — лингвистики, философии, семиотики и др. Художественная литература как область искусства, в которой использование слова превращается в мастерство, в способность влиять на умы и настроения общества, преобразовывать реальность, всегда была предметом изучения юристов.

Диего Валадес говорит о том, что наиболее глубокая связь между правом и искусствами осуществляется именно через литературу.³ На протяжении веков наблюдались связи права с музыкой, особенно это касается опер и национальных гимнов, в которых нередко упоминаются правовые ценности. Проследивается связь права и с пластическими искусствами. В качестве примеров можно вспомнить известные сюжеты выдающихся произведений, таких как «Соломон» Рубенса и Доре, «Суд над Жанной Д'Арк» Энгра, а также живописные сцены «Конторы адвокатов» ван Остаде и изображения адвокатов у Хогарта, Доре и Домье. Можно отметить связь права и с кинематографом. В этом случае список очень велик: «Анатомия убийства» О. Преминджера, «Нюрнбергский процесс» С. Крамера, «Двенадцать разгневанных мужчин» С. Люмета, «Дело Парадайна» А. Хичкока, «Свидетель обвинения» Б. Уайлдера и многие другие. Но все эти связи несравнимы с той, которая устанавливается через язык литературы и права.

Как отмечает Д. Валадес, мотивации писателей и юристов не являются взаимоисключающими. У творческих людей особое восприятие реальности. Они часто находят в ней то, что для многих остается незамеченным, или разоблачают то, что другие тоже видят, но молчат или даже скрывают. Им удается находить выражение явлений, которые они помогают если не исправить, то по крайней мере распознать. Для юристов знание

¹ *Общетеоретическая юриспруденция. Учебный курс. Учебник / под ред. Ю. Н. Оборотова. Одесса, 2011. С. 3.*

² Там же. С. 12.

³ *Валадес Д. Язык права и право языка. Речь, прочитанная при вступлении в Мексиканскую Академию языка 25 августа 2005 г. М., 2008.*

литературы — это одна из возможностей уточнить смысл и содержание слов. А слово — рабочий инструмент писателей и юристов.⁴

Язык художественной литературы и язык права существуют в рамках единого литературного языка. И художественная литература, и право формируют литературный язык и отражают историческое своеобразие его структуры в определенную эпоху.

Язык художественной литературы занимает особое положение в системе функциональных разновидностей литературного языка, потому что он оказывает огромное влияние на язык в целом. Не случайно в названии нормированного национального языка включено определение «литературный». Именно писатели формируют в своих произведениях нормы литературного языка.⁵

Право также оказывает значительное влияние на формирование национального языка. Во многих странах законы и даже международные договоры определяют правильную орфографию языка.⁶ Определенные юридические нормы предписывают, как формулировать законы, какие слова следует использовать для юридических конструкций, каких слов следует избегать.⁷ Порой запрашивают мнение юристов (чаще судей) относительно употребления тех или иных слов. Так, они должны решить, является ли использование определенных слов диффамацией.⁸ Одним из направлений воздействия права на язык является правовое регулирование использования естественных языков (установление государственного языка, нормы о языках малых народов, регулирование вопросов перевода в процессуальном праве и т. п.).⁹

Язык художественной литературы относят к функциональным разновидностям языка наряду с разговорной речью и функциональными стилями (официально-деловым, научным, публицистическим). Главной отличительной особенностью языка художественной литературы является его особая по сравнению со всеми другими разновидностями предназначенность. Вся организация языковых средств в художественной литературе подчинена передаче содержания художественными средствами. Главная функция языка художественной литературы — эстетическая. С этой целью в языке художественной литературы могут использоваться не только функциональные разновидности литературного языка, но и нелитературные формы национального языка (диалекты, просторечия, жаргонизмы и др.).¹⁰

Интересно, что в праве, как и в художественной литературе, присутствует эстетический компонент. Право в целом и широкий круг правовых

⁴ Там же. С. 19–21.

⁵ *Культура русской речи. Учебник для вузов / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Шириева. М., 1999. С. 6.*

⁶ См. о произношении слов нидерландского языка в Статуте от 14 февраля 1947 г. (*Wet voorschriften schrijfwijze Nederlandsche taal // Staatsblad. 1947. N 52*), с изм., внесенными Законом от 6 февраля 1997 г. (*Staatsblad. 1997, 63*) и Королевским декретом от 19 июня 1996 г. (*Spellingsbesluit // Staatsblad. 1996, 394*).

⁷ См. в Нидерландах Циркуляр от 18 ноября 1993 г. (*Aanwijzingen voor de regelgeving // Staatcourant. 1993, 230*) с позднейшими изменениями, внесенными Циркуляром от 20 декабря 1995 г. (*Staatscourant. 1995, 251*).

⁸ См., напр., решение Верховного суда (HR. 1902, 21 April, W. 7764) о слове «*kraai*» (нидерл. ворона) и публикацию об этом: *Герард-Рене де Гроуте. Язык и право // Журнал российского права. 2002. № 7. С. 145–152.*

⁹ *Вавилова А. А. Некоторые теоретические аспекты соотношения права и языка // Вестник Московского университета. Сер. 11 «Право». 2006. № 5. С. 133.*

¹⁰ *Культура русской речи. С. 5.*

явлений материального и идеального порядка в частности обладают ярко выраженными эстетическими свойствами и способны вызывать у людей эстетические эмоции, чувства и переживания, идеи. Например, эстетическая составляющая смыслового содержания правовых символов связана с их декодированием, требующим вживания, колоссальной духовной работы, сопровождаемой радостью понимания, узнавания, трудноопределимой вербально и родственной ощущениям, испытываемым писателем в процессе творчества.

Вместе с тем обнаружение области эстетического в сфере права осложняется рядом обстоятельств: во-первых, на практике эстетическое восприятие, как правило, не выделяется из целостного восприятия различных явлений, они как бы сплавлены с общей чувственной картиной действительности; во-вторых, различные явления действительности воспринимаются неодинаково. Эстетическое восприятие общественных явлений в отличие от естественных чрезвычайно сложно и в своей полноте доступно только глубокому логическому анализу. Это в полной мере относится к праву, красота которого доступна только юристам. Для носителей обыденного правосознания правовые явления, как правило, эстетическими ценностями не признаются.¹¹

Язык права относится к особой функциональной разновидности литературного языка, обслуживающей профессиональную сферу общения. Данную разновидность литературного языка исследователи называют поэтичным: специальный язык, профессиональный язык и т. д.

По сравнению с главной функцией языка художественной литературы, которой является эстетическая, язык права, хотя и может подвергаться эстетической оценке, в первую очередь выполняет регулятивную функцию. Язык права не только пассивно отображает правовую реальность (фиксирует, хранит, передает юридически значимые результаты интеллектуальной деятельности),¹² но и активно ее творит и структурирует.

Поскольку язык права выполняет такую значимую функцию, как упорядочивание правовой реальности, то, как отмечают некоторые исследователи (В. Д. Титов, С. Э. Зархина,¹³ А. С. Пиголкин¹⁴), он должен быть точным и ясным. Однако язык сам по себе полисемичен. Неточность дает языку гибкость, возможность охватить безграничную реальность, бесчисленное множество уникальных явлений. Полное устранение неточности в языке права приведет к отрыву норм права от реальной жизни.¹⁵ В этом плане интересна фраза из диалога между двумя героями книги Льюиса Кэрролла, который Алиса заканчивает словами: «Весь вопрос заключается в том, сможешь ли ты заставить слова обозначать столь многие вещи».¹⁶ Любая передача информации влечет за собой неизбежную потерю ее определенной части.¹⁷ Поэтому традиционная устремленность языка права к точности

¹¹ Пухова Т. Б. Эстетические основания права. Автореф. дис. ... к. ю. н. Владимир, 2008 (www.disserscat.com/content/esteticheskie-osnovaniya-prava).

¹² Титов В. Д., Зархина С. Э. Историческое развитие философско-логических концепций языка права. Харьков, 2009. С. 22.

¹³ Там же. С. 23.

¹⁴ Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990. С. 18.

¹⁵ Вавилова А. А. Некоторые теоретические аспекты соотношения права и языка. С. 135.

¹⁶ Цит. по: Грязин И. Н. Текст права (опыт методологического анализа конкурирующих теорий). Монография. Таллин, 1983. С. 68.

¹⁷ Там же. С. 54.

и ясности не должна подрываться тем, что всегда существует возможность интерпретации содержащихся в праве положений.

Ведь чем больше выражается словом, тем понятнее информационное сообщение. Чем больше у общающихся общих контекстов (общность обстановки, опыта, ситуации), тем легче происходит понимание. Правотворческий орган, например, должен сообщить свое представление о должном так, чтобы оно было понятно всем, но обстановка речи отсутствует, прежних опытов миллионы, общего контекста очень мало. К тому же сообщение затрагивает интересы адресатов, поэтому многие будут склонны толковать его в свою пользу.¹⁸

Представляется, что учет полисемичности в праве в современных условиях определяет более основательную языковую подготовку юристов.

Относительно точности и ясности смысла произведений художественной литературы следует сказать, что художественные тексты характеризуются открытостью смысла, неоднозначностью, множеством субъективных интерпретаций. Здесь можно привести слова Д. С. Лихачева: «Если в художественном произведении все ясно, оно утрачивает художественность. В художественном произведении что-то должно быть тайное».¹⁹ Иными словами, язык художественной литературы, в отличие от языка права, наоборот стремится к неясности, неточности, загадочности смысла.

Вопрос ясности и простоты языка права тесно связан с проблемой доступности текстов права. Джеймс Холланд и Джулиан Уэбб в книге «Изучая правовые нормы» отмечают, что язык права — это важный символ власти права. Исследователи подчеркивают, что язык права, будучи не всегда простым для восприятия всеми членами общества, по сути, определяет, кто может пользоваться правами, и «маскирует» использование права теми, кто знаком с языком права. Наличие особых навыков у юриста приводит к тому, что из правового дискурса исключаются неюристы, что влияет на возможность граждан иметь доступ к праву. Специальное использование определенных языковых конструкций служит тому, чтобы скорее завуалировать, нежели повысить понимание права рядовыми гражданами. Понятно, что такая языковая маскировка создает проблемы в правильном понимании иностранного права юристами вне данной правовой системы.²⁰

Формализация влечет невозможность использования языка права носителем естественного языка без специальной подготовки. Естественное слово, ставшее термином, является омонимом своего исходного коррелята (например, «наряд» как документ и «наряд» как одежда, «лицо» как физическое или юридическое лицо и «лицо» как передняя часть головы человека). Для использования языка права необходимо уяснение адресатом значений знаков-терминов. При этом совпадение плана выражения термина и общепринятого слова усугубляет трудности понимания языка права, так как создает у носителя естественного языка иллюзию понятности.²¹

Т. Ю. Герцог подчеркивает, что соотношение простоты и сложности языка нормативного правового акта должно варьироваться в зависимости

¹⁸ Вавилова А. А. Некоторые теоретические аспекты соотношения права и языка. С. 131.

¹⁹ Цит. по: Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003. С. 135.

²⁰ Holland J., Webb J. Learning Legal Rules. A Student's Guide to Legal Method and Reasoning. 6th ed. New York, 2006. P. 112.

²¹ Вавилова А. А. Некоторые теоретические аспекты соотношения права и языка. С. 135.

от его адресата. В частности, в законе о защите прав потребителей, должна быть ориентация на элементарную правовую грамотность, т. е. закон должен быть написан простым, доступным для восприятия всеми гражданами языком, поскольку он непосредственно затрагивает их права и интересы.²² В отличие от этого А. Н. Шепелев придерживается мнения, согласно которому письменные формулировки законов адресованы вовсе не гражданам, а, скорее, государственным органам. Хотя все нормативные акты в письменном виде доступны гражданам, именно государственные органы доводят законы до общестественности посредством своей деятельности (применения права). Поэтому едва ли стоит упрощать язык законов ради его лучшего понимания гражданами, которые в большинстве случаев ни разу в жизни не обращаются непосредственно к тексту самого нормативного правового акта.²³

Проблема доступности и понятности языка права неизбежно приводит к вопросу об адресованности правовых текстов. Ведь как оценить красоту права может только юрист-профессионал, так и реконструировать логику создания текста права, употребления специальной терминологии может только человек, получивший юридическое образование, обладающий высоким уровнем профессионального правосознания и правового мышления. Вместе с тем, когда мы говорим конкретно о языке законодательства как лишь об одном из стилей языка права, следует помнить, что рядовой гражданин, обладающий обыденным правосознанием, должен иметь возможность вычленив из текста нормативно-правового акта ту информацию, которая ему необходима для реализации своего права, о чем и пишет Т. Ю. Герцог.

Поскольку язык права является важнейшим фактором, обеспечивающим всю систему правового регулирования, выработка языковой стратегии, связанной с особенностями правового менталитета и правовых традиций, весьма значима как при изложении текста нормативно-правового акта, так и при формулировании решений по результатам правоприменительного процесса, а также при подготовке специалистов юридического профиля.

Для произведений художественной литературы характерен такой признак, как жанровость, который может быть использован и для описания правовых текстов. Своеобразные способ, стиль, манера изложения, совокупность приемов и другие особенности отличают один текст права от другого. Например, мы можем говорить о конституционном жанре или жанре судебного решения.

Так, Н. В. Артикуца выделяет в языке права официально-документальный стиль и его подстили: законодательный, дипломатический, судебно-процессуальный, административно-канцелярский; научный стиль и его подстили: собственно научный (жанры — монография, научная статья, диссертация, доклад и др.), научно-учебный (жанры — учебник, пособие, лекция и др.), научно-популярный (жанры — энциклопедия, брошюра, справочник и др.); публицистический стиль (жанры — эссе, репортаж, интервью, статья); разговорный стиль.²⁴

²² Герцог Т. Ю. Роль языка права в формировании правовой функциональной грамотности // Актуальные проблемы правоведения. 2011. № 2. С. 13–16.

²³ Шепелев А. Н. Кому предназначены письменные формулировки закона? // Правоведение. 2012. № 3. С. 74–81.

²⁴ Артикуца Н. В. Мова права і юридична термінологія. 2-ге вид., змін. і доп. Київ, 2004. С. 136–137.

Поскольку нормативные правовые предписания общеобязательны и применяются неоднократно, слова в тексте норм права называют не отдельный предмет либо событие в его индивидуальной неповторимости, а целый класс предметов либо множество событий. Соответственно используются абстрактные термины, формы глагола с отвлеченным вневременным значением, местоимения без конкретизированного предметного содержания, пассивные конструкции.²⁵

О. М. Балинская отмечает, что язык права является одним из наиболее абстрагированных, что предусматривает его возникновение в результате процесса воображаемого отделения одних аспектов явлений или свойств предметов от других. Другими словами, язык права можно считать вербальной абстракцией правовой действительности. Но не следует сводить это высказывание к восприятию абстрагированности языка права как характеристики, которая обозначает его удаленность от реальной жизни. В философском понимании абстрагированность языка права предусматривает восприятие его как результат правового мышления, результат абстрагирования от правовой действительности, а также совокупность всего понятийного в сфере права. В узком значении абстракция правовой действительности предусматривает процесс мышления, при котором мы отвлекаемся от единичного, случайного, несущественного и выделяем общее, необходимое, существенное. Иными словами, не останавливаясь на единичных характеристиках определенного конкретного правового случая, право олицетворяет наиболее существенное, характерное для совокупности однотипных правовых случаев.²⁶

Восприятие правового текста предстает в таком случае как проблема применимости абстрактного понятия к конкретному фрагменту мира, а значит, толкование оказывается неизбежной стадией в процессе правоприменения.²⁷

Казалось бы, по этому параметру язык художественной литературы имеет прямо противоположную черту, ведь писатели описывают конкретные жизненные ситуации и людей с их неповторимой жизнью. Однако художественный образ раскрывает в единичном, преходящем — сущностное, вечное и таким образом обобщает действительность. В персонажах, которые «насекают» художественные произведения, все спрессовано до образа, до типа, хотя показано достаточно конкретно и индивидуально.²⁸

Еще одной характеристикой языка права является его эмоциональная нейтральность. Самые неприемлемые факты юрист должен описать в нейтральных выражениях.²⁹ Язык художественной литературы, наоборот, должен воздействовать на чувства читателя, вызывать в нем эмоции и переживания. Влияние языка художественной литературы на своего адресата обеспечивается метафоричностью художественного слова. Язык литературы и язык права имеют свои особенности употребления метафор.

Г. Н. Складарская указывает на существование двух типов метафор — художественных и языковых. К метафоре как категории поэтики, как принадлежности художественной литературы (и поэзии, и прозы)

²⁵ Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2004. С. 36.

²⁶ Балинская О. М. Семантика права. Львів, 2013. С. 22–23.

²⁷ Грязин И. Н. Текст права. С. 111.

²⁸ Валгина Н. С. Теория текста. С. 135.

²⁹ Титов В. Д., Зархина С. Э. Историческое развитие философско-логических концепций языка права. С. 23.

в лингвистике применяются термины: метафора художественная, поэтическая, тропеическая, индивидуальная, индивидуально-авторская, творческая, речевая, метафора стиля. О единстве авторских и общезыковых метафор можно говорить в том плане, что исходным материалом в обоих случаях является общий для всех (как для среднего носителя языка, так и для писателя) язык. Художественная метафора является результатом целенаправленных и сознательных эстетических поисков. Языковая метафора, напротив, стихийна, заложена в самой природе языка, она представляет собой готовый элемент лексики; такую метафору не нужно каждый раз создавать — ее берут готовой и употребляют в речи. Живая речь обычно перенасыщена метафоричностью («сырой закон», «железная дисциплина», «кадры растекаются»³⁰).

А. Ф. Черданцев отмечает, что метафорические выражения в языке права выступают средствами юридической техники. В языке права подобные выражения принимают характер терминов или стандартных, стереотипных выражений. В силу многократного применения они обычно не воспринимаются как метафоры.³¹

Образность языковой метафоры обычно осознается только исследователем: в спонтанной речи (или в художественном тексте, если нет особой эстетической нагрузки) языковая метафора не обнаруживает образного элемента и без ущерба для смысла высказывания может быть заменена своим семантическим эквивалентом (песня льется — песня звучит). В художественной метафоре это невозможно сделать, не уничтожив самого высказывания.³²

Несмотря на то что и в языке права, и в языке художественной литературы употребляются оба вида метафор, индивидуально-авторская метафора в большей степени характерна для произведений художественной литературы.

К примерам языковых метафор в праве можно отнести следующие: «образ государства», «механизм государства», «государственный орган», «мертвая норма», «текучесть догмы права». Метафоричными являются такие выражения, распространенные в юридической науке, как «правовая материя», «правовая ткань» (автор — С. С. Алексеев). С помощью этих выражений достигается не столько определенность, сколько образность, наглядность, краткость выражения мысли.³³

Художественная метафора обогащает, украшает язык права и более характерна для юридических текстов в публицистическом и научном стилях. В книге «Правовые традиции мира» П. Гленн превосходно использует авторскую метафору: «Индусское право словно дирижабль; вы можете привязать его к земле, но это не изменит его истинного предназначения — плыть по воздуху».³⁴

Проанализировав по разным критериям особенности языка права и языка художественной литературы, нельзя не сказать о том, что вопросы об их соотношении и взаимообогащении привели западных исследователей к созданию отдельного направления научного поиска — «право как литература». Это направление наряду с «правом в литературе» является

³⁰ Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993. С. 30–36.

³¹ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. Монография. М., 2012. С. 288.

³² Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. С. 30–36.

³³ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. С. 290.

³⁴ Glenn H. P. Legal Traditions of the World. New York, 2007. P. 275.

ветвью более широкого движения «право и литература», которое зародилось в 1970-х гг. в западной юридической мысли. Основателем движения «право и литература» принято считать Джеймса Бойда Уайта, автора книги «Правовое воображение».

Ленора Лэдвон в книге «Право и литература: текст и теория» отмечает, что сегодня большинство школ права предлагают студентам курс «Право и литература», который пользуется значительной популярностью. Такая популярность может быть объяснена повышающимся интересом к юридическому письму, ведь грамотность при написании правовых текстов — это важное умение, которому нужно учить. Заодно зарождается интерес и к языку права, подбору слов, метафор, а художественная литература может научить многому в области хорошего написания текстов.³⁵

Среди известных работ в рамках направления «право и литература» можно назвать такие: Дж. Б. Уайт «Правовое воображение» (1985), «Право как язык: читая право и читая литературу» (1982), «Когда слова теряют свое значение» (1984), «Правосудие как перевод» (1990), «Гераклов лук: эссе о риторике и поэтике права» (1985), Р. Дворкин «Право как интерпретация» (1982), «Как право подобно литературе» (1985), Б. Кардозо «Право и литература» (1925), Р. Уэйсберг «Текст в теории: литературный подход к Конституции» (1986), «Несостоятельность слова» (1984), «Поэтика и другие стратегии “права и литературы”» (1992), Р. Уэйсберг «Право-литературный рискованный проект» (1988), Р. Уэст «Нарратив, власть и право» (1993), «Экономический мужчина и литературная женщина: опыт одного сравнения» (1988), С. Данлоп «Изучение художественной литературы в высшей юридической школе» (1991), И. Хильдебранд «Джейн Остен и право» (1982), Дж. Хорнсби «Чосер и право» (1988), Р. Познер «Право и литература: непонятое соотношение» (1988) и др.³⁶ Усилиями профессорско-преподавательского состава школы права им. Кардозо, которая существует при Университете Иешива, трижды в год (март, июль, ноябрь) издается журнал «Право и литература».

Как видно, отдельное направление исследований в области связи права и художественной литературы возникло на Западе. Однако вопрос отображения в литературном творчестве правовых и государственных явлений волновал и отечественных юристов. Так, А. Ф. Кони на собрании Юридического общества в Санкт-Петербургском университете в речи после кончины Ф. М. Достоевского 2 февраля 1881 г. отметил верность освещения в произведениях писателя специальных вопросов уголовного

³⁵ *Law and Literature: Text and Theory* / ed. by L. Ledwon. New York; London, 1996. P. IX.

³⁶ *White J. B.* 1) *The Legal Imagination*. Chicago, 1985; 2) *Law as Language: Reading Law and Reading Literature* // *Texas Law Review*. 1982. Vol. 60. P. 415–445; 3) *When Words Lose Their Meaning*. Chicago, 1984; 4) *Justice as Translation: An Essay in Cultural and Legal Criticism*. Chicago, 1990; 5) *Heracles' Bow: Essays on the Rhetoric and Poetics of the Law*. Madison, 1985; *Dworkin R.* 1) *Law as Interpretation* // *Critical Inquiry*. 1982. Vol. 9. N 1. P. 179–200; 2) *A Matter of Principle*. New York, 1985; *Cardozo B. N.* *Law and Literature* // *Yale Law Journal*. 1925. Vol. 14. P. 699–718; *Weisberg R.* 1) *Text into Theory: A Literary Approach to the Constitution* // *Georgia Law Review*. 1986. Vol. 20. P. 946–979; 2) *The Failure of the Word: the Protagonist as Lawyer in Modern Fiction*. New Haven, 1984; 3) *Poethics, and Other Strategies of Law and Literature*. New York, 1992; 4) *The Law-Literature Enterprise* // *Yale Journal of Law and the Humanities*. 1988. Vol. 1. P. 1–67; *West R.* 1) *Narrative, Authority, and Law*. Lansing, 1993; 2) *Economic Man and Literary Woman: One Contrast* // *Mercer Law Review*. 1988. N 39. P. 867–878; *Dunlop C. R. B.* *Literature Studies in Law Schools* // *Cardozo Studies in Law and Literature*. 1991. Vol. 3. N 1. P. 63–110; *Hildebrand E.* *Jane Austen and the Law* // *Persuasions*, 1982. Vol. 4. P. 34–41; *Hornsby J.* *Chaucer and the Law*. Healdsburg, 1988; *Posner R. A.* *Law and Literature: A Misunderstood Relation*. Cambridge, 1988.

расследования: разграничение разных видов убийств, принятие мер пресечения, попытку определения преступления и наказания, роль собственного сознания в совершении преступления. А. Ф. Кони провел параллели между коллизиями произведений Достоевского и соответствующими параграфами Уложения о наказаниях и Устава уголовного судопроизводства, отметил яркость этих параллелей и назвал писателя глашатаем неизбежности³⁷ «перехода нашего суда от отживших форм к новым».³⁸

«Право в литературе» рассматривает возможную значимость для юристов литературных текстов в смысле отображения в них явлений правовой и государственной жизни. «Право как литература», с другой стороны, пытается применить методы, приемы литературной критики, анализа к правовым текстам. Как отмечает Ян Уорд в книге «Право и литература: возможности и перспективы», хотя оба эти направления имеют право на существование и достаточно эффективны, далеко не всегда можно четко разграничить их, что, на самом деле, не так уж и необходимо. Их взаимодополняющее отношение — это факт, который, как правило, принимает большинство видных ученых этого движения.³⁹

Именно направление «право как литература» сформировалось в результате возрастающего интереса к языку и множеству значений текста, в том числе правового и литературного. Его представители ставят перед собой несколько целей. Прежде всего, они хотят еще раз подчеркнуть неизбежность нашего существования «в языке». Поскольку язык используют все люди и каждый принимает участие в его создании, то он является еще и важнейшим средством социальных изменений, а значит, направление «право как литература» приобретает и политический характер. Среди современных философов наиболее ярким представителем этой позиции является Ричард Рорти. По его мнению, героями демократии являются отнюдь не политики, а поэты. Они общаются с будущим, поскольку говорят с народом и для народа.⁴⁰ Вторая цель — интеллектуально обогатить юридическую науку. Направление «право как литература» предлагает преподавателям и студентам окунуться в изучение положений всего разнообразия «измов» литературной теории — структурализма, постструктурализма, деконструктивизма и т. д., которые затем юристы могут использовать для лучшего понимания значения правового текста. Следовательно, представители этого направления предлагают рассматривать правовые тексты как произведения литературы и применять методы литературной интерпретации, анализа и критики в работе с этими текстами.⁴¹

Связь между языком права и языком художественной литературы отнюдь не является поверхностной или надуманной. Точка зрения С. С. Алексеева, который считает, что в юридическом стиле изложения нет места художественной красоте,⁴² значительно сужает видение права как феномена, существующего в более широком контексте культуры, цивилизации.

³⁷ Жаров В. А. Ф. М. Достоевский и философия права 1860-х годов. Автореф. дис. ... к. филол. н. Тверь, 2003 (www.dissercat.com/content/f-m-dostoevskii-i-filosofiya-prava-1860-kh-godov).

³⁸ Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. М., 1968. Т. 6. С. 419.

³⁹ Ward I. Law and Literature: Possibilities and Perspectives. New York, 2008. P. 3.

⁴⁰ Rorty R. Contingency, Irony, and Solidarity. Cambridge, 1989. P. 60–61.

⁴¹ Ward I. Law and Literature. P. 15.

⁴² Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 122–123.

Как бы парадоксально это ни звучало, но право теснее связано даже не с прозой, а с поэзией. Томас Гоббс упоминает следующий факт: «В древние времена, когда письменность еще не была в общем употреблении, законы часто составлялись в стихотворной форме, с тем чтобы простой народ, находя удовольствие в их распевании и декламировании, мог легче запоминать их».⁴³ Поэзия подобна волшебной флейте, поэтическая форма вызывает уважение и принятие через возвышенную силу и красоту слова.

Язык — это то средство, с помощью которого мы упорядочиваем наш мир, придаем ему смысл. Например, непрерывное движение европейских народов навстречу друг другу в рамках Европейского Союза символизируется его гимном, состоящим из волнующих слов «Оды к радости» Шиллера, которая была положена на музыку Бетховеном (эта музыка вошла в состав знаменитой Девятой симфонии). Размещение слов в определенном порядке придает смысл человеческим мечтам. Американский поэт Уоллес Стивенс напоминает нам о том, что мы формируем видение мира, напевая песни вопреки хаосу, используя алгебраическую, тональную и ритмическую возможности языка, чтобы сформировать некую структуру и модели, пригодные для жизни, несмотря на окружающий нас хаос. Метрические ритмы соединяют людей, так как заставляют их чувствовать себя комфортно, в безопасности, давая им ощущение того, что что-то упорядочено.⁴⁴

Таким образом, как язык права создает нормативную структуру реальности, так и язык поэзии за счет наличия в нем неких нормативных требований — ритма, рифмы, размера — особым образом структурирует восприятие человеком этого мира.

Прямое влияние поэзии на право прослеживается в появлении поэзии в содержании судебных решений и даже изложении судебных решений в стихотворной форме. Так, Майкл Экин, судья Верховного суда Пенсильвании, в деле *Busch v. Busch* написал свое решение в стихотворной форме.⁴⁵

Любопытно, как, используя два примера из поэзии и права, Дж. Б. Уайт иллюстрирует, каким образом текст может создавать свой собственный язык значений и смыслов, придавать новые значения определенным словам и понятиям и таким способом по-новому конструировать реальность. Когда Уолт Уитмэн решил написать поэму об источнике своего поэтического вдохновения, о своей музе, он, следуя сложившейся поэтической традиции, стал писать о птице и таким образом подтвердил свою принадлежность к традиции, которая включает в себя оды к жаворонкам, соловьям, а также дроздам. Но, будучи американцем и к тому же Уитмэном, он выбрал птицу, которая не относится к привычному поэтическому набору — это был пересмешник, который стоит особняком от других орнитологических образов музы из-за американской трансформации его образа. Кроме того, сама поэма была написана особо — как история об одиночестве и опустошенности. И эта песнь одиночества придала птице и ее крику особую патетику (поэма «*Out of the Cradle Endlessly Rocking*»). В деле *Катс против Соединенных Штатов* полиция поместила прослушивающее устройство на крышу телефонной будки без наличия ордера на обыск и пыталась использовать запись с подслушанным разговором как доказательство.

⁴³ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М, 1991. С. 211.

⁴⁴ См. об этом: Eberle E. J., Grossfeld B. Law and Poetry (2005) / Roger Williams University School of Law Faculty Papers. Paper 3 (http://lsr.nellco.org/rwu_fp/3).

⁴⁵ Ibid.

Верховный Суд постановил исключить доказательство, которое получено в результате необоснованного обыска, несмотря на то что как такового физического проникновения во владение, которое предполагает слово «обыск», не было. Таким образом, Суд изменил прецедент и придал новое значение ключевому термину «обыск» — не просто физическое вторжение во владение, но и нарушение приватности. Аналогично Уолт Уитмэн изменил привычное понимание музыки в поэзии, выбрав для себя в качестве таковой пересмешника.⁴⁶

В заключение отметим, что для юриста вопрос о природе языка права и его особенностях неизбежен, поскольку тесно связан с его профессиональной культурой, правосознанием, правовым мышлением, необходимостью постоянной интерпретации правовых текстов. Наряду с традиционными требованиями знания закона, обоснованности при принятии решений, справедливости требуется большее проявление свободы и толерантности при принятии правовых решений. Все это напрямую связано с языком права, языковой культурой, грамотностью при составлении юридических текстов.

Можно констатировать, что исследования языка права получили свое развитие во многом благодаря развитию теории художественной литературы. С учетом расширения понятия права в современном информационно-коммуникативном обществе⁴⁷ исследования языка права приобретают новую актуальность и выходят за рамки устоявшейся позиции жесткого разделения языка права и языка литературы. Для классической юриспруденции применение знаний из области художественной литературы в сфере права неприемлемо и несколько надуманно. Но тот, «кто ищет социальный смысл жизни, особенно социальный смысл того права, которое без ущерба содержанию, более отвлеченно спрашивает о глубинной структуре норм и имеет значение для всех человеческих действий и переживаний, тот обращается сегодня за пределы традиционной догматической юриспруденции, сравнивая разные возможности правовых знаний для решения отдельных правовых проблем».⁴⁸ Сегодня без учета взаимодействия языка права и языка литературы невозможно проследить дальнейшую логику развертывания языковых проблем в правовой сфере.

⁴⁶ White J. B. *Heraclides Bow: Essays on the Rhetoric and Poetics of the Law* / ed. by L. Ledwon. New York; London, 1996. P. 9.

⁴⁷ Кравиц В. Юридическая коммуникация в современных правовых системах (теоретико-правовая перспектива) // Правоведение. 2011. № 5. С. 8–26.

⁴⁸ Кравиц В. Нарративная юриспруденция или теория правовой коммуникации? Размышления о феноменологии повествования права // Правоведение. 2012. № 1. С. 18–32.